

СЕРИЯ
«МИРЫ МАРИНЫ ЭЛЬДЕНБЕРТ»:

МОЙ ЛОРД ИЗ ДРУГОГО МИРА
ДЕВУШКА В ЦЕПЯХ
ЦЕПИ ЕГО ДУШИ
БАБОЧКА
НЫРЯЛЬЩИЦА

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Э53

Эльденберт, М.

Э53 Ныряльщица / М. Эльденберт. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 382 с. : ил. — (Миры Марины Эльденберт).

ISBN 978-5-521-92903-0

Лайтнер К'ярд живет в мире, в котором мне никогда не будет места. Так же, как ему не будет места в моем. Когда я думала об этом, я даже не представляла, что на самом деле значат эти слова. Не знала, какую тайну скрывает моя пропавшая сестра. Тайну, способную нас уничтожить. Или навсегда изменить мир.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92903-0

© Марина Эльденберт, текст, 2020
© Елена Сова, дизайн обложки, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Марина Эльденберт

НЫРЯЛЪЩИЦА

T8 RUGRAM

Глава 1

Проблема доверия

Вирна Мэйс

— **Ч**то здесь происходит? — Голос К'ярда старшего — голос правителя, он звучит как глухой гул набирающего силу вулкана.

Он сам напоминает скалу, неприступную и вечную, о которую способна разбиться любая, даже самая мощная волна. Высокий, с темными волосами, в которые вплетены стальные нити седины. Под тяжелым взглядом глаз цвета пламени, отличающих расу в'ьерхов, любой почувствует себя неуютно. Его сила и власть непререкаемы, и именно они подбрасывают со стульев всех без исключения политари, даже ведущую протокол девушку. Сидеть в кабинете остаемся разве что мы. То есть я и К'ярд.

— Ньестр К'ярд. — Политари не двигается с места, вытянувшись в струну. — Со слов ниссы Мэйс сегодня ночью на нее было совершено нападение...

— Довольно. — В мою сторону он даже не смотрит, смотрит исключительно на своего сына, и я каким-то непостижимым образом чувствую, насколько тот напряжен. — Лайтнер.

Он поворачивается к отцу и поднимается. Сейчас, когда они стоят лицом к лицу, я замечаю, насколько темнее у младшего К'ярда глаза. Темнее в том смысле, что я никогда не видела у в'ьерхов таких глаз, погасших, как опрокинутая со стола лампа.

По лицу правителя Ландорхорна проходит судорога, от которой градус напряжения в кабинете стремительно возрастает.

— Нэрттан Диер сказал правду. Сегодня ночью на Вирну было совершено покушение...

— На Вирну. — Теперь, наконец-то, он смотрит на меня, но смотрит так, словно не против раздавить, а потом пойти помыть руки и забыть, как о досадной неприятности. Раньше этот взгляд вдавил бы меня в стул, но не сегодня. Не сейчас. Не после того, как Ромина швырнула меня в море со связанными руками, без единого шанса на спасение.

Поэтому я возвращаю ему прямой взгляд.

На миг в его глазах мелькает изумление, смешанное с раздражением, которое тут же сменяется хрустящим холодом, когда он снова смотрит на сына.

— Лайтнер, мы уходим.

Он уже почти разворачивается, когда слышит:

— Нет.

На этом у меня сдают нервы. Я могу сколько угодно делать вид, что мне все равно, но мне не все равно. Я упала с огромной высоты, у меня болит все, что только можно, я мысленно попрощалась с сестрами, и сейчас, когда я все это понимаю, меня начинает трясти. При мысли о том, что сегодня утром Митри и Тай могли остаться одни, что их в лучшем случае запихнули бы в самый дешевый социальный приют, что меня бы даже не нашли, а Ромина с подружками продолжала бы бегать по вечеринкам, красить ногти и улыбаться.

— Мне пора, — говорю я и сбрасываю плед.

Мои слова вспарывают тишину гораздо резче, чем это только что сделал Лайтнер, и теперь все смотрят на меня.

— Я вас не отпускал, нисса Мэйс. — Голос К'ярда-старшего ударяет в меня волной.

— А я у вас не отпрашивалась. Все мои показания зафиксированы, при желании вы можете с ними ознакомиться.

Не дожидаясь ответа, огибаю его и выхожу в коридор. В голове у меня творится нечто странное: события последних часов скатываются в клубок водорослей, вытащить из которых

хоть одну связную решительно не получается. Меня бросает то в жар, то в холод, трясет и колотит так, что зуб на зуб не попадает, я бреду по коридору, обхватив себя руками и думаю о том, что мне нужно как можно скорее попасть домой. Каким-то чудом умудряюсь даже найти выход из участка, но только оказавшись на центральном проспекте понимаю, что у меня нет ни сумки, ни тапета, ни документов.

Эта мысль обрушивается на меня в тот самый момент, когда из участка вслед за мной вылетает К'ярд. Он очень вовремя: его появление спасло меня от желания сползти по стене и завывать, уткнувшись лицом в колени.

— Куда ты собралась? — рычит он.

— Домой.

— Тебе нужно в больницу.

— Мне нужно домой.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую, что во мне не осталось сил. Я не могу даже спорить, не говоря уже о чем-то большем, но к счастью, он спорить тоже не собирается.

— Домой так домой, — говорит он и указывает на припаркованный чуть поодаль эйрлат.

Соппротивление бесполезно. А главное, бессмысленно, потому что без него я не попаду домой, я вообще никуда не попаду, поэтому я молча иду к машине. Молча сажусь и смотрю только вперед. Пока мы взлетаем, пока движемся над городом в сторону Пятнадцатого. Сменяются районы, один за другим, но я молчу.

Стараюсь не думать о том, что произошло, но не думать не получается.

Алетту еле вытащили, меня тоже, но для Ромины это просто испорченный вечер. Для вьерхи просто испорченный вечер — то, что могло стать концом жизни для двух обычных девчонок.

И стало бы.

Если бы не К'ярд.

Он тоже вьерх, но он меня спас. Этого я не могу отрицать, поэтому и говорю:

— Спасибо.

— О, — он вскидывает брови, — благодарность от Вирны Мэйс. Сегодня что-то случится.

Я отворачиваюсь.

— Прости, — доносится спустя минуту. — Насколько ты понимаешь, я тоже слегка не в себе.

Я не отвечаю, просто смотрю на проносящиеся мимо дома, границы районов побогаче не настолько резкие, как у дальних. Когда они сменяются, эйрлат словно пересекает невидимую черту, где стены становятся грязнее, этажность — ниже, а улицы превращаются из широких лент проспектов в трущобы. Это — мой мир, его остался в центре, и это тоже надо понимать.

Чего я не понимаю, так это с какой радости он сиганул за мной в воду.

— Почему?

— Почему — что?

— Почему ты это сделал?

К'ярд хмурится.

— То есть по-твоему я должен был просто стоять и смотреть, как тебя убивают?

— Друзья Ромины просто стояли и смотрели.

— При чем тут я? — Его голос становится опасным, совсем как у отца.

— Ну, вы тоже вроде как... друзья.

— Она мне никто, — резко отвечает он.

— Так же, как М'эль?

Последнее вырывается совершенно не в тему, но изменить этого я уже не могу. Совершенно точно не могу, поэтому остается только мысленно называть себя маруной и так же мысленно представлять, как отгрызаю себе язык по самый корень. Определенно, падение с высоты отрицательно сказалось на моих умственных способностях.

— Кьяна мой друг, — неожиданно заявляет он.

— Ты серьезно думаешь, что мне это интересно?

— То есть для тебя в порядке вещей интересоваться тем, что не имеет для тебя ни малейшего значения?

— Мне же нужно было поддержать разговор, — последнее звучит с издевкой, и я даже не представляю, откуда на нее силы берутся.

— Ну да, — доносится справа. — Ты же у нас общаешься только с избранными.

— Это ты сейчас о ком? — хмыкаю я, по-прежнему не глядя на него.

— О парне, с которым ты лизалась на берегу.

Пока до меня доходит, о чем он говорит, я тупо пялюсь на город. Понимаю, что летим мы уже над Четырнадцатым, и что К'ярду я совершенно точно не говорила, где живу. Мысли о том, что об этом знают все, что все знают больше меня, становятся последней каплей.

— Я. Ни с кем. Не лизалась, — цежу сквозь зубы, яростно сжимая кулаки и испытывая желание как минимум ему врезать. — Это парень моей сестры.

— Да, я в курсе.

— Она пропала! — почти ору я. — Я пытаюсь ее найти, уже несколько недель пытаюсь ее найти, и не могу!

После этого в салоне воцаряется тишина. Такая громкая тишина, от которой звенит в ушах, и мне снова хочется врезать — на этот раз себе, тоже до звона в ушах. Она звенит во мне до той самой минуты, пока эйрлат летит над Пятнадцатым. Пока опускается на моей улице, чуть поодаль, потому что рядом с домом толком сесть не получится. Небо над морем начинает светлеть, и в эту минуту я понимаю, что ключей у меня тоже нет.

Придется будить Митри.

И денег нет тоже. Только те, что остались у сестер. На сколько их хватит?

Оглушенная этой мыслью, я возвращаюсь в реальность только когда К'ярд касается моего плеча. Прикосновение отдается странным теплом, и лишь спустя пару мгновений я понимаю, что не дернулась, не шарахнулась в сторону, да я вообще не сделала ничего из того, что обычно происходит, когда меня пытаются коснуться посторонний. К'ярд ничего не заметил, но достаточно уже того, что заметила я.

— Почему ты ничего не сказала? — Он снова хмурится.

Когда он хмурится, становится еще больше похожим на отца, и это окончательно отрезвляет. Я толкаю дверцу и выхожу, чувствуя на себе пристальный взгляд все время, что иду к дому. Даже когда стучу: ногой, потому что колотить кулаками по нашей двери себе дороже, занозы замучаешься вытаскивать.

— Вирна? Что случилось?!

Заспанное лицо сестры мигом становится встревоженным, но я просто захожу в дом, на ходу бросив:

— Потом.

В комнате просто стягиваю одежду, сбрасывая ее на пол, падаю на диван и заворачиваюсь в плед. Митри какое-то время стоит в дверях, но потом все-таки уходит, и только тогда под пледом меня начинает трясти по-настоящему. Я позволяю этой дрожи взять верх, а слезам — катиться по щекам до полного опустошения. Когда оно наступает, солнце уже поднялось, и мне приходится тащиться к окну, чтобы задернуть шторы. Первое, что бросается в глаза — накатывающие на берег волны, от которых передергивает.

Второе — стоящий в конце улицы эйрлат, который отлично видно под таким углом.

С силой задерживаю шторы и возвращаюсь на диван, почти сразу после этого раздается стук в дверь:

— Вирна? — голос Митри. — С тобой все хорошо? Спишь?

Молча переворачиваюсь на другой бок: никаких больше разговоров, пока не приду в себя. Сегодня я и так сказала слишком много, и сказала это тому, кому совершенно необязательно об этом знать.